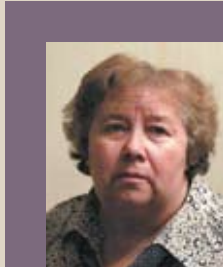

Народный профессор

Быль и мифы
о докторе Домрачеве

Среди ярких светил на медицинском небосклоне Казани звезда хирурга Ивана Владимировича Домрачева, сто двадцать лет со дня рождения которого исполнилось недавно, была одной из самых ярких. И это при том, что город в первой половине двадцатого века имел очень сильную медицинскую школу. Здесь начинал будущий учитель Домрачева хирург Александр Васильевич Вишневский, чья мазь долгие годы была панацеей от ран. Имена врачей Адамюков, Бехтерева, Груздева, Клячкина, Лепского, Мазур, Харитонов, Чугунова, Терегулова, Агафонова, Шулуто все знали так же, как сейчас знают звёзд эстрады и спорта. Любили, гордились. Но, может быть, самым любимым в народе был доктор Домрачев. Несмотря на звания и награды, он был очень доступным для всех, кто хотел попасть к нему на приём. Его при жизни называли «народным профессором».

**Софья
ХАМИДУЛЛИНА**

Благодарная память тех, кто хоть раз в жизни соприкасался с Иваном Владимировичем: учился ли у него, лечился, был просто соседом по дому, — сберегла очарование этим высоким, крепким, богатырского роста человеком, люди рассказывают о нём своим детям, а может, поведают и внукам.

Семья моего деда соседствовала с Домрачевыми по двору. Бабушка рассказывала мне о том, как гордилась своим сыном мать хирурга Агния Ивановна.

Гордиться было чем.

За тридцать семь лет Иван Владимирович и его ученики сделали свыше ста тысяч операций. На личном счету самого Домрачева — тридцать тысяч операций. Он был хирург-виртуоз. Оперировал всё: от нарыва на пятке до черепно-мозговой травмы. На спинном и головном мозге, на лёгких, открытом сердце, брюшной полости, почках, молочной железе...

Иван Владимирович постоянно учился, вникал во все особенности каждого врачебного случая. Он опубликовал около ста научных трудов. А кто считал, сколько советов дал профессор по ходу операции своим ассистентам и ученикам!

Он мог поставить диагноз только по внешнему виду человека, и этого обычно бывало достаточно, чтобы решить, нужно оперативное вмешательство или нет.

Как-то молодой ассистент клиники Герман Николаев госпитализировал молодую женщину, доставленную в один из дней дежурств по неотложной помощи населению города. При осмотре живота диагноз казался несложным и несомненным. Боли по всему животу в виде схваток, рвота и прочее требовали немедленного хирургического вмешательства...*

Больную подняли из приёмного покоя в операционную.

Домрачев после окончания рабочего дня, уже одевшись, выходил из отделения. Хирург остановил профессора:

— Иван Владимирович, поступает больная с непроходимостью кишечника, берём в операционную.

Профессор только мельком посмотрел на еле передвигающуюся от боли больную и, продолжая идти по коридору к выходу, сказал:

— Не надо её оперировать, ведите консервативно...

Он всегда был немногословен в работе. Подчас требовалось три-четыре дня на то, чтобы, наконец, дошло до сознания собеседника: а ведь какой глубины мысль была выражена в нескольких словах!..

Но тут показалось, что профессор устал и не хочет взглянуть более внимательно на больную. Ассистент догнал профессора и, убеждая, попросил:

— Иван Владимирович, я же обещал, что её ещё посмотрит сам профессор.

Посмотрите, пожалуйста, живот ведь как барабан...

Профессор остановился, что-то «окнул», повернул назад и пошёл в перевязочную, где лежала больная. Сел на стул недалеко от двери, а ассистент стал показывать живот больной, подчёркивая, что вся патология в животе — кишечная непроходимость, механическая форма.

Совершенно неожиданно Иван Владимирович встал и, ничего не говоря, напра-

**Иван Владимирович
и Евгения Алексеевна
Домрачевы
у входа в больницу
на улице Ватутина.
1949**

вился к выходу. Ассистент догнал учителя и услышал единственное:

— Я же сказал, не надо оперировать...
И Домрачев ушёл.

Сомневаясь в правильности неожиданного решения профессора, через несколько минут около больной собрались врачи во главе с доцентом В. И. Михайловым. И у всех сложилось мнение о неотложности операции. Как же быть? Михайлов, опытный клиницист, решил оперировать сам. Стали делать разрез... Каково же было всеобщее удивление, когда не обнаружили никакой механической непроходимости, а оказался простой спазм кишечника, не требующий оперативного вмешательства...

— Да, в общем, сели в калошу, — недоумённо промолвил доцент, а вместе с ним и остальные, обсуждая в кабинете результат операции.

К счастью, несмотря на то «лечение», больная поправилась и выписалась из больницы. Но все сотрудники день и всю ночь ломали голову: как же так? Профессор, даже не осмотрев живота больной, рекомендовал воздержаться от операции...

На другой день утром дежуривший ассистент стал виновато докладывать о произошедшем...

— Но почему же, Иван Владимирович, вы отвергли диагноз, о котором говорили все симптомы?..

Все с затаённым дыханием ждали ответа.

— Запомните на всю жизнь! Наблюдательности у вас мало. Прежде чем щупать живот, дайте оценку общего вида больной... Хабитус-то у неё какой! А?.. Вспомните её лицо!..

Действительно, при том диагнозе, с которым женщину положили на операционный стол, обязательно должен был быть отпечаток заболевания на лице: страдальческое выражение, осунувшиеся черты, впалые глаза. А у неё — нормальный блеск глаз, полнокровные щёки, здоровый румянец на щеках. Её лицо подсказало Ивану Владимировичу: тяжёлой патологии в животе нет...

Тот случай оставил неизгладимый след в памяти, что в дальнейшем очень помогало в диагностике заболеваний.

Клиника профессора Домрачева, как народ окрестил больницу, которой заведовал Иван Владимирович, в основном спе-

циализировалась на желудочной хирургии. Больные приезжали со всего Советского Союза. К столетию со дня его рождения почта СССР выпустила конверт, где указано просто: «народный хирург И. В. Домрачев».

Его учениками считали себя заведующий хирургическим отделением Кремлёвской больницы профессор Дмитрий Фёдорович Благовидов, главный врач Чистопольской больницы Пётр Сергеевич Крестников, заведующий кафедрой ГИДУВа профессор Вадим Алексеевич Кузнецов, главный врач республиканской клинической больницы № 2 партийного и советского актива Николай Иванович Чугунов, доценты Сулейман Сафич Валитов, Ильяз Хайрутдинович Гарифуллин и многие другие разъехавшиеся по городам и весям нашей страны врачи. Друзьями Ивана Владимировича считали себя и многие руководители города и республики, бывавшие и пациентами его клиники, и гостями в хлебосольном доме Домрачевых. Среди них председатели горисполкома Казани Павел Дмитриевич Тунаков, Александр Иванович Бондаренко, замечательные артисты Николай Иванович Якушенко, Григорий Павлович Ардаров, Николай Сергеевич Провоторов, многие другие известные казанцы. Иван Владимирович дружил и с самыми простыми людьми — рыбаками, охотниками, сторожем Никитой Андреевичем... Находил общий язык со всеми.

Жизнь многих неординарных людей окутана множеством мифов и легенд. Домрачев не исключение. Легенды о нём возникали порой и безо всяких на то оснований, но некоторые имели под собой и твёрдую почву.

Рассказать о выдающемся хирурге и прекрасном человеке, разделить правду и вымыслы о нём мне помогла внучка профессора Домрачева Вера Александровна Копылова, кандидат медицинских наук, до недавнего времени работавшая доцентом Казанского педагогического университета.

Иван Владимирович Домрачев родился в 1889 году в селе Аджим Малмыжского уезда Вятской губернии, ныне Кировской области, в семье сельского священника. У отца Владимира и матушки Агнии Ивановны кроме него были ещё сыновья Михаил, Николай, Георгий и дочь Ольга. Всех сыновей отец рано приучил к крестьянскому труду. Они выросли высокими, крепкими. За глаза братьев частенько называли «слонами».

обладал прекрасной памятью, отсюда знания языков, полученные ещё в гимназии. Этими знаниями он потом будет делиться с детьми и внуками. В студенческие годы к греческому, французскому, английскому добавились латинский и немецкий.

Через три года после окончания гимназии Иван Владимирович предложил руку и сердце красавице Евгении. Они поженились. Глядя на мужа, увлечённого своим делом, Евгения поступила в зубо врачебную школу, а затем в Казанский мединститут, который окончила с отличием, уже имея двоих детей.

После окончания медицинского факультета Казанского университета Иван удостоивается степени «лекаря «с отличием»» и остаётся работать помощником прозектора при кафедре нормальной и патологической анатомии у профессора Владимира Николаевича Тонкова, одновременно являясь экстерном кафедры общей хирургии, которой руководил профессор Александр Васильевич Вишневский.

Начинается война, и Домрачева мобилизуют в действующую армию полковым врачом, а потом переводят в Казанский окружной военный госпиталь заведующим хирургическим отделением. С 1917 года он работает главным врачом и хирургом полевого подвижного госпиталя одной из дивизий Красной армии. Хотя в городе не раз меняется власть, то красные, то белые, свой выбор семья Домрачевых сделала: медики — за тех, кому нужна помощь врача, какого бы «цвета» они ни были.

Окончательно вернувшись в 1921 году в Казань, Иван Владимирович оканчивает клиническую ординатуру и становится ассистентом хирургической клиники Вишневского. А вскоре он возглавил хирургическое отделение 3-й городской больницы, которым будет заведовать тридцать семь лет.

Медицинские школы всемирно известных учёных Тонкова, Миславского и Вишневского, собственные большие способности позволили Ивану Владимировичу стать одним из видных советских хирургов. В середине тридцатых годов он получает звание доцента, вскоре и профессора, становится заведующим кафедрой факультетской и госпитальной хирургии педиатрического факультета Казанского медицинского института.

22 июня 1940 года, ровно за двенадцать месяцев до начала войны, профессору

На фронте. 1916

В родительском доме в Кировской губернии с родителями, братьями и сёстрами

Иван, а следом Георгий и Николай выбрали своей профессией медицину. Георгий Владимирович стал известным врачом-ветеринаром, членом-корреспондентом Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук. Дети, наверное, не раз наблюдали за отцом, который не только был духовным наставником своих прихожан, но и переломы лечил, вывихи вправлял, да и ещё много чего полезного умел делать.

Иван с серебряной медалью окончил Вторую Казанскую мужскую гимназию. Он

Домрачеву было присвоено звание заслуженного деятеля науки РСФСР.

«Как блестящий ученик профессора А. В. Вишневого Домрачев является одним из пионеров развития и научного обоснования местной анестезии при различных операциях, учения о новокаиновой блокаде, автором нового метода стерилизации кетгута, лучшего для того времени из всех предложенных как в нашей стране, так и за рубежом», — пишет в своей книге о профессоре Герман Николаев.

Как вовремя были сделаны эти открытия и, самое главное, успешно освоены и внедрены! Уже через год они будут спасать тысячи жизней наших бойцов, раненных на фронтах Великой Отечественной. Иван Владимирович работал тогда консультантом-хирургом ряда эвакогоспиталей в Казани. Его супруга Евгения Алексеевна была ведущим хирургом в челюстно-лицевом госпитале, спасла и вернула в строй тысячи солдат.

В семье Домрачевых хранятся письма Александра Васильевича Вишневого с благодарностями за успешное внедрение в практику его методов местной анестезии и новокаиновой блокады. Обращаясь к «самому умному из своих учеников», отмечая «ум и природный талант сильный», Вишневский радовался, что методы, ставшие впоследствии его с Домрачевым общими, «в труднейших условиях войны доказали своё преимущество».

С гостями
на даче у Домрачевых

«Только нам, Ваня, не надо зазнаваться, а работать дальше», — писал ученику Александр Васильевич. Эту фразу он мог бы и не добавлять, зазнаваться было не в правилах Ивана Владимировича. Вишневский-старший прислал своего сына, военврача Александра Александровича, на стажировку к Домрачеву. И будущий академик, кремлёвский хирург, генерал-полковник, будет всю жизнь считать себя учеником Ивана Владимировича.

Работа приносила удовлетворение и радость, получалось многое. А в семье не всё складывалось благополучно. Умер брат Николай, и Домрачевы вместе со своими двумя детьми стали воспитывать троих его малышей.

Ещё в двадцать девятом году Домрачев перенёс инфаркт. Возможно, сказались переживания, связанные с тяжёлой болезнью его первенца Володи: в четырнадцать лет мальчик заболел менингитом. На помощь пришли друзья, весь цвет медицины Казани чем мог помогал подростку. Через две недели он вернулся из небытия, но слепой и глухой. Через некоторое время зрение восстановилось, а вот слух пропал напрочь. В семье Домрачевых начали осваивать азбуку жестов.

Болезнь сына Домрачевых породила среди горожан множество слухов и домыслов. «Ну вот, даже у такого доктора сын хворый. Прикован к кровати, кормят через трубочку, а он как дитя, ничего не понимает, не видит, не слышит».

Летом на даче

С женой Евгенией,
сыном Владимиром
и дочерью Надеждой

Между тем Владимир сначала поступил по совету отца в Строительный институт и блестяще его окончил. Затем окончил новый институт — авиационный, остался в нём преподавателем, защитил диссертацию, работал доцентом кафедры ракетных двигателей. Студенты любили глухого преподавателя, и если злоупотребляли его глухотой, то не очень сильно. Он их всегда «раскалывал»: прекрасно читал по губам.

Судьба подарила Владимиру Ивановичу удивительную встречу с Сергеем Павловичем Королёвым, находившимся во время войны в Казани. Некоторое время он даже

работал под его руководством в конструкторском бюро на 22-м заводе. Внук профессора Алексей бережно хранит книги, подписанные Королёвым отцу.

Владимир воспитал сыновей Евгения, Алексея и Ивана. К сожалению, Иван трагически погиб на охоте в тридцатилетнем возрасте. Алексей пошёл по стопам отца: уже в восемь лет он мог собрать лодочный мотор, так что не случайно сделал выбор в пользу КАИ. К Владимиру до последних дней обращались родственники — узнать, например, почему барахлит мотор у машины. Он клал руку на капот автомобиля и совершенно точно ставил «диагноз» двигателю.

Владимир Иванович прожил нелёгкую, но интересную жизнь.

Вот как различились правда и домыслы о сыне Ивана Владимировича.

Иным горожанам не давала покоя большая дача Домрачева в Пустых Морквашах. Откуда у хирурга столько земли и такой огромный дом, где он живёт летом как помещик? И это во времена, когда с частной собственностью боролись без шуток! А ещё: правду ли говорят, что в гражданскую, когда в городе менялась власть, к оврагу возле Шамовской больницы привозили расстреливать — белые красных, красные белых, и Иван Владимирович, подрабатывая в этой больнице ночными дежурствами, вместе с санитаром Прохором спасал чудом выживших? И будто бы спасённый красноармеец, став потом большим начальником, даровал ему дачу за своё чудесное возвращение с того света?

— Легенда красивая, — говорит Вера Александровна, — но верна только наполовину. Из Шамовского оврага дед с санитаром Прохором действительно доставали недорасстрелянных, оперируя их нередко с риском для себя. Но дача досталась деду по наследству. Она принадлежала его дяде Викарию Ивановичу Верещагину, провизору аптеки. Дача долго была в запустении, и хозяин предложил её своему племяннику. Это был обычный крестьянский дом с наделом земли в тридцать пять соток в двух

полива огорода — ежевечерне на лошади отправлялись к речке Морквашке с бочками за водой. Пропальвали, боролись с сорняками. На всё про всё это нам отводилось время с утра до одиннадцати дня. А потом набирали огурцов, помидоров, прихватывали хлеб, который выпекали бабушка с няней Саней, и — на Волгу. Вся усталость уходила: лето на Волге, что может быть лучше!

Иван Владимирович с бабушкой приезжали в субботу вечером — выходным днём было только воскресенье. Ну, и отпуск свой они проводили здесь. Приезжали Вишневские, отец с сыном и дочерью, навещался брат Георгий. Вечером после ужина часто собирались за столом и пели под аккордеон. Петь очень любили. Мощные мужские голоса деда и его брата, народные песни, песни из кинофильмов, романсы, — какие были чудесные вечера!

Меньше дюжины затрапезников, как правило, не собиралось: чета Домрачевых, свои и приём-

Косить траву — и работа, и удовольствие!

с половиной километрах от Волги. Дача стала важным подспорьем в военные годы для большой семьи Домрачева, всей родни и самых близких друзей. Она стала для Ивана Владимировича и отдушиной после напряжённой работы в клинике и на кафедре.

— На даче не было электричества, мы пользовались фонарём «летучая мышь», керосиновыми лампами, ручными фонариками, — продолжила рассказ Вера Александровна. — Хозяйство наше, может, кому-то и казалось большим, но работали там мы сами — дед, бабушка и все дети, потом также внуки. Сажали картошку, чтобы запасти на зиму. Были корова, лошадь, куры, несколько ульев. Косили и сушили сено, собирали его в стожки, чтобы хватило до следующего лета. Корову на зиму увозили в Казань, она жила в сарае на улице Ершова, где был дедов дом. Мы с детьми клеили рамки для ульев, возили воду для

ные дети, гости.

Беседы, случалось, превращались в консультации — если за столом были коллеги, ученики. Но и тогда — шутки, смех. Дед и бабушка были хлебосолы — бабушка стряпала необыкновенно вкусные пирожки с мясом, на стол всегда ставили уху из свежей рыбы, её тогда в Волге было немало.

Иван Владимирович очень любил рыбачить на Волге. Ему нравилась ущица из рыбы, пойманной своими руками. Иногда, бывало, не поймёшь, слушая его за ухой: то ли он действительно сам поймал какую-то большую рыбу, то ли это рыбацкие байки.

Но после одного случая пришлось поверить в рассказы о пойманной крупной рыбе.

...Как-то ночью Иван Владимирович со своим другом рыбаком Герасимом тихонько плыли вниз по Волге в простой

У дома
в Пустых Морквашах

Домрачевы в саду
на улице Н. Ершова
в Казани

деревянной лодке на вёслах. Как обычно, разговаривая, мечтали об утреннем клёве на рассвете. Вдруг — удар о носовую часть лодки.

— Что, Герасим, на пенёк, что ли, наехали?

— Да где тут пенёки-то? Стой, Иван Владимирович, тише. Смотри-ка! Да тише гребки-то...

И тут совершенно неожиданно рядом с кормой выплыло брюхо громадной рыбины.

— Иван Владимирович! Видишь? Давай её в лодку затащим, она ещё живая. Гляди! Это же белуга! Только подожди, дай скорее топор.

— Зачем топор-то, Герасим?

— Тише, тише, прошу, давай скорее топор, — уже шёпотом сказал Герасим. И, взяв топор, пристроившись на корме, со всего размаха ударил рыбу по носу. Она сильно вздрогнула, но продолжала спокойно лежать на поверхности воды. С большим

трудом, наполнив лодку наполовину водой, они втащили в неё тяжёлую скользкую белугу — и скорее к берегу. Иван Владимирович выровнял лодку и, тяжело гребя, приблизился к берегу вблизи дома в Набережных Морквашах.

— Куда девать рыбу-то будем, Иван Владимирович? Ведь всю деревню накормить можно!

— Деревню, говоришь? А давай-ка её, родную, отвезём завтра в Казань, в нашу больницу, пусть больные лакомятся!..

— Ну что ж, давай, — согласился Герасим.

И вот в понедельник около восьми утра сотрудники увидели, как подъехала грузовая машина. Из кабины вышли Иван Владимирович и шофёр Борис Благодаров. Открывая борт грузовой машины, он радостно сказал:

— Довезли всё-таки красавицу...

Картина была любопытная: в кузове грузовой машины с одного угла до другого, по диагонали, лежала рыба. Нет — рыбища!

И... в тот момент, когда Благодаров (кстати, здоровый мужчина, спортсмен) стоял рядом

с хвостом рыбы у машины, довольный произведённым впечатлением на сотрудников клиники, вдруг белуга сделала последнее движение, как бы мстя тем, в чьих руках очутилась. Резко перевернулась и ударила шофёра в плечи так, что тот отлетел в сторону, к забору больницы. Вот тут-то стоявшие рядом врачи, сёстры разразились добрым смехом. А в это время главный врач больницы Дунаев уже собрал кухонных работников, которые потащили рыбину в кухню на разделку.

Сколько же потом разговоров было у нашего профессора после этой истории! Рассказывая её, он повторял:

— Вот вам и Герасим! Деревенский мужик, а понял медицину. Он сразу же сообразил, почему рыба сверху брюхом выплыла: она ударилась носом о лодку. А дальше что он сделал? Ещё раз топором по носу! А нос у белуги самое чувствительное место. Он же шок у неё вызвал! Так её в шоковом состоянии и довели...

**Сборы на рыбалку
На рыбалке сетями**

Целую неделю больные лакомились рыбными блюдами... Остаётся сказать,

что это, оказывается, была ещё не белуга, а белужонок весом в сто двадцать килограммов!..

Существовала легенда, что трёхметровое чучело белуги в краеведческом музее — из той самой рыбины.

Дед часто переправлял в больницу продукты из нашего сада-огорода, чтобы подкормить больных, мёд, яблоки и варенье. Он ведь знал: чтобы человек после операции быстрее встал на ноги, нужно полноценное питание, а с едой многие годы было трудно, особенно в войну. И гости дачи никогда не уходили без подарка в виде баночки варенья или бидончика с мёдом.

Вот таким был «помещик» Домрачев.

На даче к нему с утра выстраивалась очередь больных. Он никому не отказывал — одному рецепт выпишет, другого направит к себе в клинику, третьему нарыв тут же на месте вскроет. Пытались платить профессору за приём, это его обижало. «Видите, у меня всё есть, несите обратно своим детям», — часто говорил он крестьянам, которые норовили отблагодарить его чем-нибудь из продуктов.

Дома Иван Владимирович частной практикой не занимался, хотя в те годы врачам это разрешалось.

Была у Ивана Владимировича кроме рыбалки и охоты ещё «одна, но пламенная страсть»: он любил автомашины. Послевоенная зарплата в семь тысяч рублей за кафедру, звание и лекционные часы позволила ему первому в городе из врачей получить права водителя и первым приобрести «газик». За свою жизнь он сменил несколько автомашин: «эмку», «Москвич», «Победу», «Волгу». Был и главным судьёй по автоспорту, и членом судейской коллегии по кинологии; четвероногих друзей он любил, и в доме жили собаки охотничьей породы — ирландский сеттер и много других.

Семейная легенда сохранила и такой любопытный факт из биографии Ивана Владимировича. Он связан с приезжавшим в наш город легендарным борцом Иваном Поддубным. Богатырь часто заканчивал свои выступления в цирке приглашением кого-нибудь из публики на сеанс французской борьбы. Тогда, в начале века, это было популярно. Сравнив свои габариты с кондициями Поддубного и, наверное, решив, что не уступает богатырю, Домрачев смело шагнул на арену. Как проходила борьба,

**Иван Владимирович
Домрачев**

точно никто не помнит, но, во всяком случае, победить артисту не удалось, и Поддубный якобы пригласил тезку поработать в цирке.

Услышала я от Веры Александровны ещё одну байку об Иване Владимировиче.

— Кто-то из родных слышал такое: «А вы знаете, говорят, будто перед операцией профессор Домрачев съедает большую тарелку щей, миску гречневой каши и выпивает стакан спирта». Это, конечно, вымысел: дед не любил щей, предпочитая им суп с лапшой или рисом, не жаловал он и гречку. После первого инфаркта практически никогда не пил спиртного. Гостям наливал, а для себя у него была серебряная рюмочка, вот она стоит за стеклом в стенке. Бабушка наливала ему туда разбавленной домашней наливки, иногда и просто воды. С этим содержимым он мог сидеть за столом весь вечер, сквозь металл не было видно, сколько у него осталось, а чтобы веселиться и петь, допинг ему не требовался. Кто только сочинял разные небылицы про него!

Я подумала, что это похоже на былины о богатырях — и пили-то они ковшами и вёдрами, и ели за десятерых. Народ издревле наделял больших и добрых людей такими вот способностями. А ещё, как ни крути, есть у досужей молвы такое свойство: вымысел о стакане спирта подхватит гораздо охотнее, чем поверит в то, что Иван Владимирович отказался дать взятку, дабы спасти от армии своего зятя, действительно имевшего серьёзное заболевание. Он выгнал из дома осмелившегося прийти к нему рвача, обозвав его жуликом. А по поводу зятя написали письмо в наркомат и, объяс-

нив ситуацию, попросили помочь. Через некоторое время пришёл ответ за подписью наркома о положительном решении этого вопроса. Зятя перевели с Дальнего Востока в Приволжский военный округ, в привычный для него климат. До этого он прослужил на Камчатке и Сахалине одиннадцать лет.

...27 апреля 1960 года стало последним днём в жизни Ивана Владимировича. Перед операцией, которую он должен был провести, Домрачев почувствовал неладное с сердцем. Операцию попросил сделать Германа Николаева, дал советы и, уже лёжа на кушетке в предоперационной, интересовался её ходом. Профессора с подкашивавшимися ногами еле успели переправить в его кабинет, где он и умер.

Иван Владимирович никогда не заболел как должно о своём здоровье, хотя имел диабет и пару перенесённых инфарктов. Необходимостью для него было жить для других, помогая страждущим.

Поэтому похоронная процессия заняла всё расстояние от улицы Толстого до Арского кладбища. Гроб несли на руках, сменяя друг друга до самой могилы, друзья дома, родные, многочисленные пациенты.

Все видели награды врача — орден Ленина, два ордена Трудового Красного Знамени, многие медали. Но блеск высоких наград не мог поспорить с народной любовью, явленной в скорбный день.

В пятидесятые годы, ещё при жизни Ивана Владимировича, ему было присвоено звание почётного гражданина Казани, четвёртому по порядку среди этих особо отмеченных казанцев, вслед за председателем горисполкома города Павлом Дмитриевичем Тунаковым. А на следующий год после кончины Домрачева его имя было присвоено 3-й городской больнице.

Иван Владимирович достоин и того, чтобы одна из улиц Казани носила его имя. Достоин новой хорошей книги, документального фильма. И, конечно, возвращения мемориальной доски на стену больницы, где он работал — досадно, что она куда-то подевалась!..

Профессор Домрачев положил начало замечательной династии врачей.

— Если добавить к их стажу ещё и стаж династии медиков Яхонтовых, — говорит муж Веры Александровны, — то чуть ли не целый миллион выйдет. Ведь дочери наши тоже врачи!..

* При подготовке текста использована замечательная книга ученика В. И. Домрачева Г. М. Николаева «Народный профессор» (К., Тат. книжное издательство, 1982), написанная с любовью к своему учителю.